

СОВЕТСКАЯ ЖЕНА АФРИКАНЦА (портрет эпохи «холодной войны»)

© 2019 Н.Л. Крылова

КРЫЛОВА Наталия Леонидовна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра социологических и политологических исследований Института Африки РАН. Российская Федерация. 123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1, e-mail krylovanl@yandex.ru

Аннотация. В статье поднимается уникальный пласт проблем, связанных с судьбами русских женщин, живших в СССР и странах Африки в период «холодной войны» в разнорасовых браках. Привлекая материалы оригинальных социологических обследований, включая десятки интервью с женщинами, жившими в смешанных браках в Африке и Советском Союзе, автор разнопланово анализирует особенности бытия членов разнорасовых семей, складывавшихся в условиях советской и африканской действительности, специфику «вхождения» соотечественниц в социокультурный мир мужа, их жизни на стыке различных культур. Исторический опыт подобных исследований может стать своеобразным банком профессионально отобранных аналитических данных, используемых сегодня для модернизации одного из аспектов российской политики в области семьи, укрепления связей с российским зарубежьем, углубления культурного и делового сотрудничества между Россией и Африкой.

Ключевые слова: СССР, Африка, соотечественники, смешанный брак, этно-культурная адаптация, мотивы вступления в смешанный брак, большая африканская семья, нуклеарный брак, советский расизм

DOI: 10.31132/2412-5717-2019-49-4-127-140

Русские женщины¹, ставшие женами граждан африканских стран и живущие в Африке со своими семьями на постоянной основе – это весьма своеобразный контингент. В структуре русского зарубежья он занимает особое положение (как *de jure*, так и *de facto*), по некоторым признакам сближаясь с ним, но все же не тождественный последнему [1].

История русско-африканских брачных союзов весьма молода и тесно связана с характером и ритмом взаимоотношений России и африканских стран. Во многом этот процесс зависит от развития политических, торгово-экономических и культурных связей России и Африки. Основным же фактором, способствовавшим этому процессу, была (и поныне остается) система подготовки в СССР/РФ квалифицированных кадров для Африки. В ре-

¹ Точнее сказать – не природные русские, а представительницы народностей, населяющих Россию. Особенно ярко это видно из статистики данных по месту рождения соотечественниц, постоянно проживающих в АРЕ: помимо Москвы и Ленинграда там представлены выходцы из Башкирии, Коми, Алтайского, Краснодарского, Приморского, Ставропольского, Хабаровского краев, Астрахани, Белгородской, Воронежской, Калужской, Магаданской, Мурманской, Пермской, Тамбовской областей, городов Ростова-на-Дону, Челябинска, Магнитогорска, Читы, Ярославля, других районов РФ. Приведенные данные подтверждаются результатами социологического опроса 1994 г. среди соотечественниц, проживающих постоянно в странах Африки, а также статистикой Консульского управления МИД России. Процент русских по национальности женщин колеблется по колониям в пределах 69–85% от общего числа вступивших в брак с африканцами; за ними следуют украинки (10–17,4%), белоруски (4,7%), татарки (1,3%). Остальные национальности, представленные в бывшем СССР (среди них: калмычки, таджички, киргизки, молдаванки, корейки, казашки, польки, бурятки, литовки, еврейки, чувашки, армянки) исчисляются десятками долями процента. Иными словами, основную группу соотечественниц составляют представительницы русскоязычной группы.

зультате этой крупномасштабной политико-идеологической акции, начавшейся с 60-х годов XX века, к началу 1990-х годов студенты из Африки составляли 24% от общего количества иностранных учащихся в советских вузах, а их число превышало 35 тыс. человек [2, с. 173–180; 3, с. 301–403]. Нет необходимости пояснять, что за этими цифрами стоят группы людей в возрасте matrimониальной активности, оказавшихся на несколько лет в совершенно новых для себя климатических, социокультурных, психологических условиях и пытающихся приспособиться к новой среде разнообразными способами, в том числе посредством брака. Тем более, что для представительниц титульной нации они оказывались в целом социально и антропозстетически приемлемыми.

Официальная перепись населения не регистрировала данных о динамике численности межрасовых или межэтнических браков граждан, проживающих на территориях СССР с гражданами других стран, в том числе африканских. Поэтому анализ информации по отдельным странам Консульского управления Министерства иностранных дел СССР (КУ МИД СССР)², а также статистические данные горсоветов отдельных, наиболее репрезентативных в интересующем плане советских городов (в том числе, Ленинграда, Ростова-на-Дону, Харькова, Киева, Краснодара, и др.), позволяет предположить, что примерно третья часть заключенных с иностранными гражданами браков российских женщин приходилась в то время на супружеские союзы с представителями стран Африканского континента.

Социальный облик «русских африканок»

Итак, кто становился избранницей африканского студента в Советском Союзе и отправлялся в Африку за личным счастьем?

На самом деле, социальный портрет нескольких тысяч русских женщин, составивших первый эшелон «русских африканок» и ныне постоянно проживающих практически во всех странах континента, представляет собой пеструю мозаику, отражающую все разнообразие советского общества эпохи «холодной войны». В супружеские союзы с африканскими гражданами вступали в своем абсолютном большинстве женщины-соотечественницы, реализуя, таким образом, гипогамный тип брака³.

Что касается демографического аспекта, это были русскоязычные представительницы военного и послевоенного поколений, средний возраст которых колебался в пределах 20–25 лет⁴. В социально-профессиональном плане это был довольно разнородный контингент (где, впрочем, преобладали выходцы из советской периферии), со сравнительно высоким уровнем образования, профессионально и психологически готовый к участию в общественном производстве, к трудовой деятельности⁵.

² Ныне Департамент Консульской Службы (ДКС) МИД РФ.

³ Брак, объединяющий черного мужчину и белую женщину.

⁴ Данная характеристика, правда, корректируется довольно высоким процентом женщин, для которых межрасовый брак стал вторичным браком (6,8% по данным проведенного в 1994 г. опроса; по колониям русских женщин в Африке, согласно статистике КУ МИД РФ, он достигает 12%). Верхняя планка возрастной шкалы этой группы заметно выше среднестатистической по данному контингенту и достигает 29–35 лет. Любопытно, что мужьями этой категории женщин являлись по преимуществу студенты, то есть юноши возрастной группы 18–24 года. В целом же, как полагал один из представителей городской администрации, символизирующий собой «горнило», через которое обязательно проходили все вступающие в расово-смешанный брак пары Ростова-на-Дону, большее число таких браков заключается в вузах, а не в техникумах. Иностранцев-учащихся средних специальных учебных заведений «ловили», по его выражению, более взрослые женщины.

⁵ Согласно данным проведенного в 1994 г. социологического обследования, разброс в уровнях образования внутри этой группы большой, но в целом его можно определить, как довольно высокий: выпускницами вузов и университетов оказались соответственно 55,1 и 22,2% от числа учившихся в различных учебных заведениях женщин (они составили 61,3% от общего числа опрошенных). Среднее специальное образование имели 18,05%; профессионально-техническое – 5,6%. Кроме того, о своем образовании, за-

Замечательным образчиком собственной характеристики является фрагмент из интервью с русской женщиной, полвека прожившей со своим мужем-ивуарийцем, в Абиджане: «Я была абсолютно советская барышня, верящая в построение коммунизма, в наше блестящее будущее – все для него, и я знала, что мы что-то сделали, действительно, хорошее. И то, что я из неблагополучной семьи, тем не менее пользовалась такими благами, как пойти на елку в Кремль, поехать в пионерский лагерь, где меня хоть немножко “откармливали” – я считала, что это уже большое достижение. Кстати, так оно и было! Потому что сейчас таких вещей нет нигде в мире! А у нас это было! И, естественно, закончив школу, я знала, что должна идти в институт. Мне надо учиться. Мне надо выйти из своей среды, любым способом убраться, но не куда-то ехать продавать пирожки, а что-то серьезное сделать в жизни» (из интервью с Тамарой А., Москва, 2011 г.).

Надо отметить, что у этого явления был свой, так сказать, «местный» социально-демографический «колорит», способствовавший, помимо всего прочего, «легкости» брачного исхода русских женщин в другие этносы и расы. Так, анализ интеграционных этнических процессов, протекавших в последние 30 лет существования СССР выявил тогдашнюю очевидную тенденцию к росту числа национально-смешанных браков⁶. Кроме того, имели место такие факторы, как «омоложение» брака, осторожность мужчин при повторном вступлении в супружество и др., что определенным образом осложняло ситуацию на отечественном «рынке невест», делая ее все более конкурентной.

Сопоставляя показатели образовательного уровня по отдельным регионам и странам континента, можно отметить, например, что в колониях наших соотечественниц в североафриканском регионе они несколько выше, чем в государствах Сахельской зоны. Хотя и в таких странах Тропической Африки, как Кот-д'Ивуар, Мадагаскар или Эфиопия, процент русских женщин – дипломированных специалистов высшей и средней квалификации колебался от 63 до 87%. Из 22 женщин, живущих в Республике Кот-д'Ивуар, 13 – специалисты с высшим образованием, 9 человек имели среднетехническое образование.

Основной же массив русских женщин, постоянно проживавших в таких странах, как Мозамбик, Сьерра Леоне, Мали, Бенин, Уганда и др., имели профессионально-техническое и среднеспециальное образование в 7 случаях из 10, хотя и среди них были дипломированные специалисты высшей квалификации. В то же время в русских колониях АРЕ или АНДР процент женщин, имевших высшее образование, составлял к моменту опроса соответственно 54,8 и 53,01%. В Марокко 8 из 13-ти опрошенных женщин имели высшее образование; в столице АНДР Алжире – 5 из 7-ми опрошенных русских женщин учились в разные годы в советских вузах.

Несколько слов о мотивах вступления соотечественниц в браки с жителями Африки. Сразу отметим, в практических кругах, занимающихся вопросами браков иностранных (в том числе африканских) граждан с советскими гражданами, в те годы сложилась и распространилась в обществе устойчивая схема мотивов, по которым совершались эти браки и которая вполне вписывалась в идеологию «холодной войны». Это неустрашенность личной жизни на Родине; использование брака с африканцем для выезда из СССР; брак с африканцем как следствие легкого поведения женщины. Мотивы, так или иначе связанные с выражением любви или взаимной склонности, в данную схему никак

вершившемся на уровне средней школы, сообщили 2,7% женщин. Из всего массива опрошенных также 13,2% женщин к моменту знакомства с будущим супругом учились и работало одновременно.

⁶ По итоговым данным четырех переписей населения СССР (1959, 1970, 1979 и 1989 годы), число этнически смешанных браков менялось следующим образом:

1959 г. – 102; 1970 г. – 135; 1979 г. – 149; 1989 г. – 175. Иначе говоря, если 30 лет назад одна из десяти семей в стране была этнически смешанной, то к началу 90-х годов это соотношение составило соответственно 1 к 5–6. Конкретно на территории РФ число этно-смешанных браков возросло в этот период с 83 до 147 на тысячу. По количеству заключаемых ежегодно смешанных браков здесь совершенно очевидно «лидировали» русские женщины: 43 из 100 в 1978 г. и 63 из 100 в 1988 г. [4, с. 37, 48].

не укладывались. Подразумевалось, что не существует категорий женщин, способных совершить подобный шаг по любви, а не из конъюнктурных соображений или по причинам личной драмы.

Материалы, полученные в результате личных бесед с нашими соотечественницами, постоянно проживающими в странах Африки, с сотрудниками африканских дипломатических представительств, аккредитованных в РФ, а также личная переписка с русскими женами африканцев, наконец, сведения и материалы, которые находились в распоряжении преподавателей и практиков, чья профессиональная деятельность сводилась к решению проблем иностранных учащихся в СССР, заметно корректировали официальную схему. Здесь на первом месте стоял мотив «иметь спутника жизни»; далее – «вынужденный шаг, вызванный предыдущими матримониальными неудачами», «решение сексуальных проблем и проблем потомства», а также «решение, вызванное социальными обстоятельствами», «обретение жизненного равновесия». Мотивы типа «любым способом попасть за границу», «наладить собственное хозяйство (дело)», «отделиться от родителей», завершали эту схему.

Понятно, такая схема весьма условна. Однако проанализированный массив материалов позволяет утверждать, что реальное разнообразие мотивов, побуждавших женщин к такому браку, слабо коррелирует как с официальными позициями на этот счет, так и со стереотипами, утвердившимися в обыденном сознании соотечественников времен «холодной войны».

Женщины, например, отмечали: знакомство с мужем и первые годы совместной жизни было связано с притеснениями со стороны вузовской администрации, что обостряло чувство ущемленности за себя и дорогого человека, отца ребенка (А.Н., Уганда, более 40 лет назад); приближалась к тридцатилетнему рубежу и очень хотела иметь семью, детей, но уже «не котировалась» на местном брачном рынке (Т.С., Бенин, мать двоих детей); достаточно «нагулялась», однако, собравшись замуж, поняла, что брачный выбор сильно ограничен, но при этом очень хотелось ребенка (Г.Н., Москва, более 30 лет назад) и др. Объективности ради нельзя игнорировать и такие документальные свидетельства, как, например, фрагмент из интервью Зои О., уроженки г. Мариуполь, свыше 50 лет прожившей с мужем и семьей в Нигерии: «Влюбилась я не сразу. Это было постепенно. Вы знаете, поженились мы – это уже было на пятом курсе. У меня сын родился, когда мы защитились уже... Тогда было такое отношение: ну, вот, смотри – с негром... Вы понимаете, у нас все это было» [5].

По утверждению психологов, практически у всех категорий женщин, вышедших замуж за африканцев в эпоху «холодной войны», имел место так называемый «комплекс романтического инфантилизма» [6, с. 39–40]. Объяснений этому феномену много. И не только в плане возраста, но и склада личности. У каждого есть романтический образ, который создает в душе человека – мужчины, женщины – стереотип того идеального избранника, к которому он стремится. Этот образ формируется воспитанием личности, чтением литературы, общесоциальными установками, принятыми в микросреде.

Для исследуемого контингента в этом плане далеко не последнюю роль сыграл «железный занавес», который отделял советское общество от остального мира, создавая ореол загадочности и привлекательности иной, зарубежной, жизни. С этим плотно увязывается и вопрос об антропоэстетических предпочтениях, демонстрируемых большинством наших информанток и респонденток [7]. Так, по признанию Тамары А, она «очень много читала. Все это было чтение ненаправленное, беспорядочное. Но где-то в 13–14 лет я прочитала “Тропую грома”⁷. Была такая книжечка. И, прочитав эту книгу,

⁷ «Тропую грома» – роман южноафриканского писателя П. Абрахамса рассказывает о жестоких расовых законах и предрассудках, которые душат человеческие чувства и унижают человеческое достоинство.

я, так сказать, заболела сочувствием и жалостью к африканцам... Ну, а когда уже училась в Москве, в педагогическом (вузе. – *Н.К.*), атмосфера была необыкновенная. “Оттепель”... И первые африканские студенты. Тогда, помимо этой “Тропюю грома”, еще и фестиваль⁸ гремел, тогда очень много говорилось по радио, телевидению об этих африканцах. И все это... какая-то готовность была, точнее, какая-то подготовка к какой-то встрече» (из интервью с Тамарой А., Кот-д’Ивуар–Москва, 2011 г.).

Из интервью со Светланой А., одной из первых русских женщин, вышедших замуж и уехавших в Алжир: «Я только-только окончила архитектурный факультет. Меня окружали очень умные, очень остроумные, потрясающие мальчишки, с которыми мы дружим до сих пор, всю жизнь! Но – мальчишки! Я их безумно люблю. И тогда любила. А тут вдруг первый раз в жизни я увидела интересного, красивого мужчину. Вот это, я думаю, на меня произвело впечатление. И он нравился очень многим, всем, кто с ним потом знакомился. Вежливый, воспитанный, знающий, учился в Сорбонне, в Париже, много путешествовал. Обо всем может поговорить, все рассказать – ну, конечно, я в этом отношении, как говорится, была покорена» (из интервью со Светланой А., Париж, 2011 г.).

Заметим, что описываемые нашими информантками впечатления от знакомств со своими будущими избранниками, их ощущения (в том числе на уровне эстетических предпочтений), в целом, вполне укладываются в реальную схему мотиваций при выборе брачного партнера другой расы. Не рискуя, однако, далее углубляться в теории, не имеющие прямого отношения к данной статье, заметим: в исследуемом случае зачастую имеет место влюбленность в романтизированный образ мужчины, который на самом деле может быть далеким от реальности. Так, спустя много лет, Тамара А. скажет: «Нет, любви не было, честно говоря. Это была жалость, желание как-то ему помочь. Я же вижу, что они совершенно отделены от всех, что они как вывески ходят, и что им трудно всегда сохранить вот эту мимику. Потому что уже сил нет, изо дня в день, из года в год...» (Кот-д’Ивуар–Москва, 2011 г.).

Конечно, помимо романтической – сочувствия, жалости (зачастую аналога женской любви), тяги к африканской экзотике, – первичная мотивация вполне благополучно могла сосуществовать с мотивацией практической: уехать из страны вообще или в третью страну и т.п. Нередко это был акт отчаяния, связанный с полной общественной изоляцией, с невозможностью устроить мало-мальски приемлемую жизнь смешанной семьи в СССР. «Мне деваться было некуда – ни в семью (кровную. – *Н.К.*), ни на работу. Значит, куда бы я ни поехала, во-первых, несчастный мой ребенок, во-вторых, несчастная я сама – ко мне уже было такое отношение отрицательное. Полностью. То есть, жизни здесь никакой не будет уже. Везде, где бы я ни была, за мной это последует везде. Я поняла, что все равно мне надо уезжать» (из интервью Тамары А., Москва, 2011 г.).

Однако не следует забывать, что в историко-идеологическом плане речь идет о группе женщин, по преимуществу воспитанных на ценностях сугубо советских, среди которых одним из тяжких гражданских пороков считалось предательство Родины, в том числе посредством брака с иностранцем. Для них такой брак становился едва ли не личным подвигом, поскольку «прорыв» в плотной оболочке социалистического сознания соотечественников требовал от женщины большого мужества и сил.

Расизм по-советски

Любая сфера действительности может функционировать эффективно, только если она поддержана сильной мифологической составляющей. В советское время, отмечают

⁸ Имеется в виду Всемирный фестиваль молодежи и студентов, проходивший в Москве летом 1957 г. под лозунгом «За мир и дружбу», самый массовый за всю историю фестивального движения. В нём участвовало 34 тысячи гостей из 131 страны.

исследователи, произошел интересный феномен постулирования новых ценностей мифологического порядка по модели «советский + X». В обыденном сознании соотечественников в исследуемый период прочно (не без помощи средств массовой информации) утвердился положительный образ «советской женщины», определяемый такими характеристиками, как *женщина-труженица, женщина-мать – то есть образ, сформированный* ценностями, прежде всего, социального порядка. И это не удивительно: ведь базовой мифологемой того времени был лозунг «*Советское – значит отличное*» [8]. Нескорректированность реального положения вещей и стереотипов массового сознания, столь присущая советскому обществу при оценке всего непривычного (в том числе смешанных браков), когда происходит беззастенчивое и безапелляционное обобщение с неизменным отрицательным знаком, не могла не породить еще один образ женщины – теперь уже вступающей в расово-смешанный брак – как «засидевшейся в девках неудачницы из неблагополучной семьи» или наоборот, «предприимчивой авантюристки (как правило, легкого поведения), мечтающей о благах западной цивилизации». Общественное мнение в большинстве случаев толковало это явление как социальную аномалию, а саму женщину в таком союзе как пропащую, проститутку или авантюристку.

Кроме того, имела и другая устойчивая социально-психологическая конструкция взаимоотношений с представителями «чужих» рас и этносов – не официальная, но выстраиваемая на реальном межличностном, бытовом уровне – та, что в научном словаре закрепились как «архаический синдром», находивший свое воплощение в массовых суевериях, поиске «образа врага», а также национально-расовой нетерпимости в ее подчас нелепых, абсурдных и социально опасных формах. И трудно сказать, где успешнее приживалась эта архаическая реальность: среди просвещенной интеллигенции и населения крупных городов или в провинции, среди этносоциальных и этноконфессиональных групп, действительно сохраняющих остатки традиционных социальных устоев. В связи с этим чрезвычайно важно, на наш взгляд, обращение к психологическому аспекту существования смешанного брака, когда в контексте общественного сознания сохранены дискриминационные уровни восприятия разнорасовых союзов, что порой приводило их участников к психологическому дискомфорту, к превращению самосознания «смешанной пары» в «запретную», к кризису самоидентификации в рамках окружающего социума.

В СССР установки на общение с иностранцами всегда были противоречивыми, обнаруживающими себя в устойчивых сочетаниях, на первый взгляд, противоречащих друг другу и даже взаимоисключающих суждений и действий [9, с. 18–19; 10, с. 55–64]. Что же касается представителей чернокожей расы, то эти установки нередко объединяются понятием «бытовой расизм», хотя социально-политических и идеологических его корней не могло быть в социалистическом государстве по определению.

По этой причине и браки данной группы в силу своего этно-расового своеобразия неизбежно отягощались многослойным социально-психологическим воздействием среды, называемым «бытовым» или «трамвайным» расизмом. При этом многие из опрошенных вычленили один характерный признак русского расизма, которого, похоже, нет нигде в мире, – беззастенчивость, которая, оскорбляет представителей вызывающей это любопытство расы не менее, чем иные, традиционные (например, агрессивные) формы его проявления.

Практически все проинтервьюированные нами женщины, вышедшие замуж за африканских граждан в тот исторический период, а также африканцы, женатые на русских женщинах, упоминали различные эпизоды, тем или иным образом связанные с реакциями на расовую нестандартность партнера. Любовь (москвичка, жена конголезца) рассказывала о языковых компромиссах в транспорте и других местах общественного пользования, когда она изображала переводчицу мужа, чтобы не нарваться на общест-

венный скандал; Вера (жена ангольца) и Люба (жена сомалийца) отчетливо ощущали на себе и своих мужьях настороженные или откровенно отрицательные реакции «внешней среды». Последняя вынуждена была снимать квартиру в Москве, поскольку ее родные не приняли в свою семью «эту обезьяну».

Так или иначе, еще в 60-е годы прошлого века (то есть у истоков этого явления), несмотря на повсеместное публичное декларирование интернациональных лозунгов и уж тем более на отсутствие каких-либо законодательных запретов разнорасовых смешанных союзов, на долю таких брачующихся выпадало множество забот и испытаний: им не сдавали квартиры, не обслуживали в общественных местах, женщин ущемляли в получении работы; нередко общению таких пар препятствовали откровенная грубость, публичное осуждение со стороны незнакомых людей. От них отворачивались друзья и знакомые, соседи, даже педагоги.

Тамара А. (Москва, 2011 г.) вспоминает: «Некоторые преподаватели были очень агрессивны настроены. Анатомичка, например. Я прекрасно знала анатомию, она же никогда, пока вела курс, никогда не обращалась ко мне, хотя видела мои заинтересованные глаза. Она только твердила, что сейчас очень много инфекционных болезней, и все африканцы, которые приехали сюда, все – их носители (в то время не СПИДа, а сифилиса...) Ну, и другие тоже – кто осторожно, кто просто агрессивно и презрительно, как преподаватель экономической географии, он совершенно ко мне с презрением относился... Я уже была в изоляции».

Или история с распределением по окончании университета Зои О. (Москва, 2000 г.): «Ну вот, значит, распределение дипломов. А я уже ожидала моего первого ребенка... И вот я пришла, значит, стою,.. сидит наш декан, профессор Р., сидит другой наш преподаватель, по работе с нашими студентами, О. (я никогда его не забуду); потом с иностранными (это была Ю.), ну, и там представитель ректората... Ну, говорят, у Зои свободный диплом, она вышла замуж... И вдруг наш зам. декана по работе с нами, со студентами, О., говорит: “Зоя, а ты не боишься вообще ехать в Африку? Ты знаешь, что с тобой случится там? Они тебя съедят, они твои косточки все обсосут и выбросят их собакам!” Я никогда не ожидала, что такое когда-нибудь произойдет. Это был 1972 год... Я думала, что он шутит, но он сказал это совершенно серьезно».

Проблематичными становились контакты африканского жениха с родственниками невесты. Зоя О. (Москва, 2011 г.) вспоминает о первом упоминании в своей семье о друге-нигерийце: «И вот я приехала домой, а семья у нас – мы все рассказывали обязательно и папе, и маме... Я достаю фотографию и показываю: “А это мой друг...” Папа у меня был очень выдержанный человек. Он посмотрел, но ничего не сказал... И вот, пришло время, мне нужно уезжать. Я из Донецка улетала самолетом. Папа меня всегда провожал. Вот, мы едем в Донецк, а у папы сердечный приступ. Инфаркт. То есть, он так внутренне все переживал!»

Не было, наконец, выработано никаких административных мер, защищающих социальные права, честь и достоинство смешанных брачных пар. Тамара А. (Москва, 2011 г.) описывает один из многих эпизодов испытаний, которые они с мужем пережили в советской Москве: «Нас приглашают на день независимости Анголы. Я, конечно, с удовольствием. И, значит, мы встречаемся: зима, туфельки, капроновые чулки... И вдруг навстречу нам уже идут пары. “Смешанные”, как мы теперь говорим – африканцы с русскими девушками... И у всех такие натянутые лица: в чем дело, что происходит? Их не пускают! Но у нас же билет на два лица, как же это?! И я – у меня был билет – вхожу. Входим-то мы входим, подходим к вешалке, на вешалке у меня пальто не принимают и подзывают кого-то. Тот подходит ко мне и выводит наружу... Я была с моим избранником, с товарищем, которого я приучала к русской культуре. И это был мой будущий муж. Ну вот, а меня выбросили. Меня, активистку, меня, комсомолку, как последнюю проститутку... Это был такой шок для меня, это было так страшно! И у ме-

ня даже не о себе переживания, а о них: как же так, это их день, день Африки, это их праздник. Да, ему сказали: ты можешь, мол, пойти. Он говорит, но я же пришел с ней, у меня билет на два лица... Ну, и, конечно, никто из них не пошел, день Африки прошел без них, африканцев, для кого-то другого. Это в 1963 или 1964 году было... Ну, и в метро мы прощаемся, я приезжаю к себе в общежитие и строчу по горячим следам письмо в «Комсомольскую правду». Вот, что происходит: всю жизнь нас воспитывали в духе интернационализма, мы были все против расизма, мы строим коммунизм... А на самом деле вот, что происходит! Как вообще это можно, как мыслимо, чтобы нас выбрасывали в день Африки, и за кого меня принимали?!»

Затем письмо попадает в деканат, продолжает Тамара А. И потом, значит, слух-то прошел, что собрание было насчет «этой Тамары», которая в «Комсомолку» пишет письма!.. Но мне все зачеты засчитали и ничего, все прошло тихо, все было проглочено. А потом начался тихий террор. За мной слежка началась, я же не знала этого совершенно, не думала, не гадала. Мы по-прежнему продолжали встречаться, а как же – мне его жалко! У меня вся история «Тропюю грома» в голове, все вспомнилось, боже мой! И это в нашей стране, и такие вещи происходят! То есть, их-то за кого считают?..

«Ну, и это общее презрение, эти остановки людей – папа говорит ребенку: ты посмотри, посмотри, вон негр идет! Выворачиваются, следом насмешки, крики: “Это позор!” Уже на общественном как бы уровне я все это тоже прочувствовала», – завершает свою историю Тамара А.

Исключения не составляло даже студенческое сообщество, где сверстники-сокурсники, казалось бы, должны были в силу студенческой корпоративности более или менее сочувственно и солидарно относиться к такому событию, как смешанный брак русской сокурсницы с африканцем.

Таким образом, «расизм по-русски» в среде русских женщин и их африканских избранников проявлялся в преследованиях этих женщин политико-административными структурами, в бытовых неудобствах, часто сознательно создаваемых окружающими для жизни молодых смешанных пар, в других действиях, на которых сказывался мощный эффект социальных условностей и социального контроля.

Конечно, обнаружить и доказать наличие расистских и прорасистских реакций на уровне всего социума непросто; в разных сферах общественной жизни, в разных сферах они могут проявляться с разной степенью устойчивости, встречать мощное сопротивление среды. Да и не всегда можно интерпретировать эту неприязнь или неприятие «смешанных» браков как выражение ксенофобии или религиозного фанатизма. Здесь зачастую требуется более деликатный подход. С другой стороны, практически у всех информантов раньше или позже вырабатывалась своя «системы защиты», корректируемая индивидуальными особенностями конкретной личности: ее темпераментом, степенью коммуникабельности, другими психологическими характеристиками и импульсами.

С клеймом «жен иностранцев»

Тем не менее, раньше или позже, такая пара должна была отбыть на родину мужа, и молодая «смешанная» семья начинала готовиться покинуть социалистическое пространство, советскую повседневность «со всеми ее правилами игры, культурными и жизненными картами советского человека» [11, с. 113–114]. Обычно это случалось, когда завершалось обучение супруга-африканца в институте (реже – в аспирантуре). И здесь начинался новый виток испытаний. Теперь уже связанный с реакцией кровной семьи женщины на ее решение уехать в Африку.

В становлении молодой «смешанной» семьи родители дочерей нередко играли негативную роль: не только противились браку и организации более или менее сносной

бытовой жизни молодой семьи, но и не отпускали своих дочерей на родину супруга, когда ему приходило время туда возвращаться. В СССР это делалось в рамках сугубо официальных: для выезда на постоянное место жительства в другую страну необходимо было иметь письменное согласие хотя бы одного из родителей. В личном архиве автора есть оригинальный документ – официально заверенное разрешение отца Тамары А. на выезд его дочери из СССР в Кот-д’Ивуар, по месту жительства ее супруга.

Еще одна из наших информанток, Соня А., в своем рассказе обращает внимание на то, что ее бабушка не давала согласия на выезд своей дочери к мужу в Гану. Наташа Л. также замечала в своем интервью, что бабушка (но не дедушка, который принял отца безоговорочно) противилась их с мамой отъезду в Эфиопию к отцу.

Думается, что кроме причин сугубо личного характера, на отношениях к зятю-африканцу в семье его русской жены сказывался еще и эффект «железного занавеса», за пределами которого, в понимании людей поколения, сформированного идеологами советской эпохи, начиналось нечто непонятное и небезопасное. Так, перечисляя аргументы против своего отъезда из России, Анна Т. (Марокко, 2008 г.), которая в конце концов уехала на родину мужа-бенинца, приводила, как один из наиболее веских, именно этот, поскольку для нее, тогдашней, проблема выезда из советской России в другую страну, другое общество была тесно связана с особенностями идеологического климата на ее родине в период ее взросления. «Если брать мой возраст, то плоды советской пропаганды не пропали даром: все время нам внушалось, что там негров вешают на каждом столбе. Так вот, если продолжить мысль об отъезде, это тоже играло свою роль».

Зачастую не имея достаточно сил и аргументов в борьбе против бракосочетания своей дочери с африканцем, родители к моменту готовящегося отъезда молодой семьи в Африку все же вооружались, главным образом, идеологически. И иногда пересиливали в этой борьбе. Весьма характерным представляется в связи с этим рассказ еще одной нашей информантки, Анжелики Д. (Москва, 1999 г.), называвшей свою бабушку нестандартной во вкусах и поступках, первой из родни, безоговорочно принявшей чернокожего зятя «на своей земле», и все же препятствовавшей отъезду дочери к Африку: ее смущал не столько цвет кожи зятя, сколько перспектива того, что ее дочь покинет Родину (в советском контексте 70-х годов прошлого века читай – изменит ей). И понятно, что родители с патриотическим прошлым, у которых в эксплицитной иерархии интересы Отчизны занимали определяющую ступень, не могли столь легко пересмотреть свои взгляды на эту проблему, даже в стремлении помочь счастью дочери. Анжелика Д. отмечала: «Не то, что папа черный, африканец, ему (дедушке Анжелики. – *Н.К.*) не нравилось, что мама уезжает за границу. Белый, француз ли, африканец – неважно. Главное то, что она покидает Родину. Они боялись заграницы. Он был убежденный коммунист, считал, что Родины никто не должен покидать. И то, что мама ради любви уезжает, это очень сомнительно: любовь кончается, а Родина остается».

Похожая ситуация имела место и в кровной семье Любви (Москва, 2000 г.): «Папа – кадровый военный и мама – педагог, женщина строгих правил. Вы же сами понимаете!» Эта, на первый взгляд закодированная фраза, тем не менее, легко расшифровывалась соотечественниками середины XX столетия – представителями поколения, которое «училось новым правилам жизни, вырабатывало новые опознавательные знаки и социальные коды... Они (советские люди. – *Н.К.*) пассионарны и своей жизнью, и своим телом создали советскую цивилизацию. Они – советские люди в том смысле, что их культурно-когнитивная карта не выходит за пределы советскости» [12, с. 112].

Завершая галерею социальных образов родителей «русских африканок», отметим, что своеобразие расово- или этно- смешанного союза россиянки и африканца практически никогда не проходило бесследно для ближайшего кровно-родственного окружения женщины, сделавшей подобный брачный выбор. В большинстве случаев требовалось время, чтобы к этому событию приспособились, привыкли в кровной се-

мье. Такая адаптация могла выражаться в различных формах, в том числе в конфликтных, и даже во временном разрыве отношений. Заглядывая вперед, отметим, что родные всех без исключения наших информантов приняли своих дочерей, вновь соединились с ними, искренне привязаны к внукам. Собранный и проанализированный материал дает основание предполагать, что, в конечном счете, стороны находили способы сохранить одну из наиболее надежных форм человеческих отношений – связи по крови. Причем родство по крови – не просто самая тесная форма взаимоотношений. Она – и самая компромиссная. И часто позитивная роль, цементирующее начало в этом процессе принадлежала именно представителям нового поколения, производимого в разнорасовых браках – детям-метисам. Ибо возникавшее в родителях женщины неприятие ее избранника – чужака другой расы, зачастую болезненно преломившись на последнем, почти полностью растворялось во внуках.

* * *

Логично, на наш взгляд, завершить обзор пути советской женщины 60–90-х годов прошлого столетия, принявшей решение выйти замуж за африканца и покинуть родину, информацией о том, как складывались ее отношения с представителями отечественных загранучреждений (прежде всего, советских посольств и консульств, аккредитованных в странах Африки), то есть, с людьми, которые официально были призваны обеспечивать им защиту и покровительство прежде всего в рамках действия законодательных и нормативных актов, регламентирующих их правовое положение в странах пребывания. Тем не менее, отношения эти в эпоху «холодной войны» строились на осторожно-формальной основе, отличались громоздкостью и бюрократической неэффективностью цепочки Консульство-Ассоциация «Родина» – россияне за рубежом, которая, в конечном итоге, тормозила оказание реальной помощи и поддержки нашим соотечественницам в Африке. К тому же сложившаяся в те годы практика этих отношений по существу не затрагивала проблем женщин в новых социокультурных условиях на личностном уровне, трудностей, возникающих на пути усвоения ими элементов бытовой материальной и духовной культуры стран Африки. Кстати, в текстовых ответах анкеты 1994 г. сами респондентки нередко выступали с предложениями типа: «Чтобы работники консульства относились немного лучше к нам и нашим проблемам» (Мозамбик) или «Желательно видеть работников консульства более активными защитниками наших прав в стране проживания» (АНДР); указывали на дефицит в общении с официальными представителями Отечества: «Чтобы нас чаще вспоминали. Чтобы не считали нас чужими. Чтобы было больше контактов с нашим посольством» (Эфиопия); «Побольше контактов, совместных мероприятий и просто встреч» (ЦАР); «Относиться с пониманием ситуации в данной стране. Оказывать участие и помощь при обращении в консульство, не быть бюрократами» (Эфиопия); «Желала бы чаще встречаться с консулом, больше контактов с обществом “Родина”» (Уганда) и др. Там же были зафиксированы ответы, содержащие откровенную обиду или возмущение: «...а обществу “Родина” посоветую почаще думать о нас, а не о том, как набить карманы и чем. Души бы им побольше, а не бюрократии» (Того); «Не относиться к нам как к людям второго сорта... Чаше ходить к нам в гости» (Сан-Томе и Принсипи). «Не видеть ничего необычного в смешанных браках и в том, что часть советских женщин живет со своими семьями за границей. Спокойное и доброжелательное отношение всегда приятно» (Мозамбик); «Нужно строить отношения на конкретных делах, а не на бумаге» (Гвинея-Бисау) и др. [6, с. 230–231].

В результате анализа текстовых ответов анкеты становится очевидным, что сами женщины весьма болезненно реагировали на бюрократическое равнодушие этих структур с их моралью, логикой, принципами и этикой: «Хотелось бы, чтобы к нам здесь (консульство, ассоциация “Родина”) относились с уважением, как того и заслуживает каждый человек, хотелось бы также получать здесь реальную помощь тогда, когда это

необходимо» (Мадагаскар); «Чтобы мы всегда оставались для вас товарищами, советскими гражданами, и не обращали внимание на поставленное на нас позорное клеймо “жен иностранцев”» (АНДР); «Считаться обыкновенной русской, проживающей постоянно за границей, без презрения со стороны некоторых» (АНДР-Оран) [6, с. 233]. «Чтобы штатский человек с выправкой военного, сидящий на дверях (генконсульства – *Н.К.*), не спрашивал глазами: “Чего надо?” Чтобы иметь возможность в любую минуту забежать “на огонек” и отдышаться душой среди “своих” от чужой культуры, языка, страны. Вроде того, как если бы взять в руки горсть земли родной, чтобы набраться сил и мужества продолжать свой бег дальше» (АНДР-Аннаба).

Рассуждая о гражданской уязвимости русских женщин в странах Африки и действиях наших дипломатических служб по защите интересов сограждан, женщины высказывались еще более жестко: «У меня такое мнение сложилось, что даже не то что как к женщинам легкого поведения, а есть какая-то самая типичная бытовая зависть: вот, дескать, выскочила замуж, за границей живешь и вот теперь тебе плохо, ты к нам опять ползешь... Причем все, кого я знала, все вышли, так сказать, замуж довольно давно, в наши годы застоя...» (из интервью с Кристиной И., Москва, 2005 г.). Тамара А. (Москва, 2011 г.), добавляет: «Контакты с нашим посольством были сразу, когда мы приехали. Но отношение было, конечно, очень небрежное. То есть, они принимают граждан других национальностей даже любезнее, чем своих, это было всегда, это есть... Посольство было очень настороже, и с нами практически не связывалось. Не было доступа ни в библиотеку, вообще никуда».

Кстати, некоторые из предложений, зафиксированных в анкетах 1994 г., уже тогда носили вполне конструктивный, отнюдь не лишенный практического смысла характер: «Мы – советские люди, большинство из нас имеют дипломы вузов. И мы бы хотели быть полезными Родине здесь, на Мадагаскаре. Чтобы наше государство использовало нас здесь как рабочую силу. Зачем государство тратит столько средств, присылая сюда работать советских специалистов (преподавателей русского языка и др.), если мы могли бы работать?» Были предложения обеспечить возможность для этой группы женщин-соотечественниц работать в наших представительствах, коммерческих и других структурах (Того); начать практику совместного предпринимательства, деловых и туристических контактов (Бенин) и др.

* * *

В целом же анализ особенностей «имплантации» расово-смешанной семьи в тело советской брачно-семейной культуры периода «холодной войны» дает основание считать, что структура отношений к представителям других рас, в частности, негроидной, в целом, в нашем обществе менялась крайне медленно. Формальное признание общественным мнением действия демократических норм в определенных сферах социальной действительности (система подготовки кадров для развивающихся стран в СССР, соблюдение правил внутригосударственного сожительства народов, равноправия в вопросах учебы, быта и т.п.) благополучно сочеталось с нежеланием принимать те же нормы, когда речь шла об институтах брака и семьи. И хотя основа такого двойственного подхода была заложена исторически не столь давно, все же и поныне представляется весьма устойчивой и, вероятно, не претерпит существенных изменений в обозримом будущем.

В начале 90-х годов прошлого века женщины-соотечественницы, как и все граждане России, переживали период надежд на обновление своих взаимоотношений с родной и ее уполномоченными представителями в Африке. Тем не менее, действия дипломатических консульских служб еще долгое время оставались более контролирующими структурами, нежели оказывающими действительную помощь женщинам в их общественном и индивидуальном самовыражении.

Расширение масштабов миграционных процессов, распространение деловых интересов между нашими регионами, проблемы беженцев и другие, с которыми соприкоснулось наше государство, войдя в жизненную орбиту мирового сообщества, вызывают новую волну расово- и этно-смешанных браков. Кроме того, эти процессы активизируются на фоне интенсивно меняющихся на планете направлений миграционных потоков. Но подобные размышления – уже за рамками поставленной в статье задачи.

Источники

1. Крылова Н.Л. *Афро-россияне. Брак. Семья. Судьба*. М., РОССПЭН, 2006. ISBN 5-8243-0728-8. 575 с.
2. *Экспорт российских образовательных услуг. Статистический сборник. Выпуск 8*. М., ЦСПиМ, 2018. 536 с. ISBN 978-5-906001-62-7
3. *UNESCO Statistical Yearbook*. P., 1990, с. 3.301–3.403
4. Руткевич М.Н. О демографических факторах интеграции. *СОЦИС*, 1992. № 1.
5. Из личного архива автора. Фонд не описан.
6. Крылова Н.Л. *Русские женщины в Африке. Проблемы адаптации*. М., РОССПЭН. 1996. ISBN5-86004-052-0. 365 с.
7. Хесле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности. *Вопросы философии*. 1994, № 10.
8. Немкина Л.Н. Советская пропаганда периода «холодной войны»: методология и эффективная технология. *Acta Diurna*. 2005. № 3. http://psujourn.narod.ru/vestnik/vyp_3/ne_cold.html (http://www.mediagram.ru/netcat_files/101/119/h_3636224edf3a7 (дата обращения 12.05.2018))
9. Гарб П. *Иммигранты из США и Канады в СССР: опыт социально-культурной и бытовой адаптации*. Дис. канд. ист. наук. М., 1990. 216 с.
10. Werth N. *Revolution in der sowjetischen Soziologie: die Geburtsstunde der Meinungsfragen: Leviathan*. Wiesbaden, 1990, Jg.18, H.1.
11. Козлова Н.Н. Крестьянский сын: опыт исследования биографии. *СОЦИС*. № 6, 1994.
12. Козлова Н.Н. Сцены из жизни «освобожденного работника». *СОЦИС*, № 2, 1998.

SOVIET AFRICAN WIFE (Portrait of the «Cold War Era»)

© 2019 Natalia Krylova

KRYLOVA Natalia L., Dr. Sc. (History), Professor of the Institute for African Studies, Russian Academy of Science, Russian Federation, 123001, Moscow, Spiridonovka str., 30/1, e-mail: krylovanl@yandex.ru

Abstract. Discomfort is inevitable during the process of adaptation to a new culture. There are different degrees of ethnocultural compatibility. More than 40 years of the women-compatriot's existence in African countries confirm that some women managed to adapt on the continent, however others, despite the archived material welfare and social comfort, couldn't.

The dissatisfaction in the new life can arise not only because of the lack of material wealth, but mostly as a result of socio-psychological discomfort. There are various problems of adaptation which Russian woman faced in the first half of the 20 century.

Poor knowledge of the African society in all its diversities often lead to a situation, when future "social environment" as an essential socio-psychological factor, falls outside of the field of their vision, frequently becoming a high risk situation.

To find the explanation of why Russian women are often suffering after getting in Africa, it is very advisable to refer not only to external factors, but also to the inner side of the marriage relations. The process of "submergence" in African society by means of mixed marriages makes the social integration more complicated, sometimes becomes a key factor in the women's adaptation to the new life conditions. As life demonstrates, this process is often followed by painful (sometimes tragical) breaking of stereotypes and values, which took shape in Russia and formed the personality of a Russian woman.

Throughout the years of research number of problems were revealed in the sphere of mixed marriages between Russian women and Africans that show the importance of studying the process of adaptation

Keywords: Soviet Union, Africa, nationals, mixed marriages, ethno-cultural adaptation, interviews, surveys, based on the introduction in a mixed marriage, a large African family, nuclear marriage, the Soviet racism

DOI: 10.31132/2412-5717-2019-49-4-127-140

References

Garb P. (1990) *Immigranty iz SHA I Kanadi v SSSR: opit socialno-kulturnoi I bitovoi adaptazii (Immigrants from the United States and Canada in the USSR: experience of the socio-cultural and personal adaptation)*. Diss. Cand. Ist. Nauk. Moscow. 216 p.

Demianov E.V. (1990) *Podgotovka nacionalnich kadrov dlya osvobodivchichsya stran v sovet-skich vuzach: problmy perestroika (na primere stran Tropitchescoi Afriki) (The training of national personnel for the newly independent countries in Soviet universities: problems of adjustment (for example, sub-Saharan Africa)* Autoref. Diss. Cand. Filos. Nauk. Moscow. 26 p.

Iz litchnogo archiva autora. Fond ne opisan (From the author's personal archive. The Fund is not described)

Kozlova N.N. (1994). *Krestianskii sin: opit issledovaniya biografii (The son of a peasant: a study of the biography)*. Moscow. *SOZIS*. № 6, p. 113–114

Kozlova N.N. (1998). *Szeny iz gizni "osvobogdenного работника" (Scenes from the life of the "liberated worker")*. Moscow. *SOZIS*. № 2, p.112

Krylova N.L. (2006). *Afro-rossiyane: brak. Semia. Sudba. (Afro-Russians. Marriage. Family. Fate)*. Moscow, ROSSPEN. ISBN 5-8243-0728-8. 575 p.

Krylova N.L. (1996). *Russkie zenchini v Afrike. Problemy adaptazii (Russian women in Africa. Problem of adaptation)*. M., ROSSPEN. ISBN5-86004-052-0. 365 p.

Nemkina L.N. (2005). Sovetskaya propaganda perioda "chododnoi voiny": metodologiya I effektivnaya tehnologiya (Soviet propaganda of the period "cold war" methodology and effective technology). *Acta Diurna*. № 3. http://psujourn.narod.ru/vestnik/vyp_3/ne_cold.html (http://www.media.gram.ru/netcat_files/101/119/h_3636224edf3a7). (accessed 12.05.2018)

Rutkevitch M.N. (1992) O demograficheskikh faktorach integracii (Demographic factors of integration). Moscow. *SOZIS*. N1, p. 37, 48

Eksport rossiiskich obrazovatel'nykh uslug. Statisticheskii sbornik. Vip. 8 (2018). 7 (Export of Russian educational services. Statistical compendium. Issue 8), Moscow. 536 p. ISBN 978-5-906001-62-7

Chesle V. (1994). Krizis individualnoi I kollektivnoi identichnosti (Crisis of individual and collective identity). Moscow. *Voprosi filosofii*. № 10.

UNESCO Statistical Yearbook. P., 1990, p. 3.301–3.403

Werth N. *Revolution in der sowjetischen Soziologie: die Geburtsstunde der Meinungsumfragen: Leviathan*. Wiesbaden, 1990, Jg.18, H.1. pp. 55–64.